

ПУБЛИЧНАЯ СОЦИОЛОГИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ МОДЕЛИ И РОССИЙСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Предлагаемая Вашему вниманию дискуссия выросла из семинара, прошедшего в сентябре 2007 года в Санкт-Петербурге, на котором свои идеи о публичной социологии представил Майкл Буравой. Будучи президентом Американской социологической ассоциации, а впоследствии — заместителем директора Международной социологической ассоциации, отвечающим за связь с национальными ассоциациями, Буравой стал инициатором широкой дискуссии о публичной социологии в США и целом ряде других стран.

Его статья «За публичную социологию!» переведена на русский язык и уже вызвала дискуссию в российском социологическом сообществе (Ярская-Смирнова и Романов 2008). Для продолжения дискуссии мне показалось наиболее продуктивным попросить Буравого — исследователя с опытом работы в российском поле и сотрудничества с рядом российских коллег — специальной статьей обратиться прямо к российской аудитории и поместить случай российской социологии в международный контекст. Затем мы попросили ряд российских коллег прокомментировать тезисы Буравого. Круг дискуссионтов довольно широк. Некоторые из них, но далеко не все, были в числе участников семинара. В большинстве своем они работают в России, но двое из них являются сотрудниками германских университетов. Среди участников обсуждения представлены как сотрудники университетов и государственных исследовательских учреждений, так и новые независимые центры, а также студенты — члены OD Group, координаторы студенческого «восстания» на социологическом факультете МГУ, во время которого и проходило выступление Буравого.

Дискуссионтам было предложено ответить на сформулированные редакцией вопросы либо прокомментировать статью Буравого в вольной форме. В их репликах представлен широкий диапазон взглядов на публичную социологию и пользу этого понятия в российском контексте. Редакция надеется продолжить дискуссию в одном из ближайших номеров «Laboratorium».

Михаил Габович

1. Майкл Буравой выделяет профессиональную или академическую (professional), критическую (critical), прикладную, или заказную, (policy) и публичную (public) социологии по типам основных задач и потребителей социологического знания. Как Вы считаете, помогает ли такая типология понять ситуацию, сложившуюся в современной российской социологии? Каково соотношение этих четырех типов социологии в России?

2. Что способствует, а что препятствует развитию социологии и — шире — социальных наук в России? Являются ли эти факторы специфически российскими?

3. Исходя из Ваших представлений об основных профессиональных задачах социолога в современном российском обществе как Вы видите задачи и границы публичной социологии в России сегодня? Как эти задачи соотносятся с «публичными» вариантами «соседних» социальных наук — политологии, экономики, антропологии, истории?

4. Ряд исследователей связывает отсутствие публичной социологии в России с недостаточной институционализацией и профессионализацией науки. Согласны ли Вы с такой оценкой? Почему?

5. Можете ли Вы назвать кого-то из российских коллег или организаций ярким представителем каждого из выделенных Майклом Буравым типов социологии либо представителем нескольких типов одновременно? К какому типу социологии Вы относите собственную деятельность, и если к нескольким, то как в Вашей работе сочетаются разные типы?

6. Говорят ли что-нибудь о перспективах развития публичной социологии закрытие «старого» ВЦИОМ в 2003 году, «бунт студентов» на социологическом факультете МГУ и история с закрытием Европейского университета в феврале-марте этого года?

7. Считаете ли Вы, что ситуация в российской социологии коренным образом отличается от конфигураций в других странах — не только мировых научных центрах вроде США или Франции, но и в странах «глобального Юга» или постсоветского пространства? Может ли социология оставаться национальной в мире, где усиливаются глобализационные процессы в науке и обществе, а многие российские социологи принимают участие в сравнительных исследовательских проектах и/или работают и публикуются за границей?

БИБЛИОГРАФИЯ

Ярская-Смирнова, Е. и Романов, П. 2008. *Социальная политика в современной России: реформы и повседневность*. М.: ЦПГИ, Вагант.

УРИЖИВЕТСЯ ЛИ «ПУБЛИЧНАЯ СОЦИОЛОГИЯ»¹ В РОССИИ?²

Майкл Буравой

Однажды, получив приглашение выступить с докладом в чужой стране, Пьер Бурдьё высказался о бесполезности такого путешествия. Если речь шла о прочтении типовой лекции, то с таким же успехом он мог бы остаться дома и послать кассету. Выступление *in situ*, напротив, не может сводиться к чтению стандартизированного текста. Такая лекция должна рассматривать свой предмет, принимая во внимание специфику контекста ее прочтения. По мнению Бурдьё, международная циркуляция идей требует «двойной историзации» — помещения идей как в поле их создания, так и в поле их рецепции (Bourdieu 1992). Именно это я и попытаюсь сделать сегодня: проанализировать, как предложенная мной концепция публичной социологии возникла в контексте американской и южноафриканской социологии и как она была воспринята и интерпретирована в различных национальных полях. Надеюсь, что мой анализ даст импульс дискуссии о возможном месте и значении публичной социологии в российском контексте.

Проследить путь, уже пройденный «публичной социологией», особенно важно именно с точки зрения ее восприятия в российском контексте, где предметом споров стало не только ее значение, но и идентификация ее «владельцев». Кому принадлежит публичная социология: антизападным социологам-националистам, наследникам советской социологии, некоей либеральной интеллигенции? Или всем им — или никому из них? Как представить расстановку сил в борьбе за правильную классификацию российской социологии? К этим вопросам я вернусь в конце текста, рассмотрев развитие идеи публичной социологии в разных странах и в разные исторические периоды.

ПУБЛИЧНАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК «ДРУГОЕ» ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

История, которую я собираюсь рассказать, основана на моем личном опыте, но может претендовать и на более общую значимость, поскольку повествует о проявлениях социологии в различных национальных контекстах. Эта одиссея началась в июне 1990 года, когда я посетил Южную Африку, впервые после 22-летнего перерыва, чтобы выступить перед Ассоциацией социологов Южной Африки с лекцией о крушении социализма в Центральной и Восточной Европе. На протяжении всего десятилетия, предшествовавшего краху коммунистической системы, я работал на венгерских заводах, исследуя их как социолог. Когда в 1990 году я приехал в Южную Африку, эта страна находилась на пике революции, направленной против системы апартеида. Шестью месяцами раньше из заключения был освобожден Нельсон Мандела — лидер Африканского национального конгресса, а воссоздание популярной Южно-Африканской коммунистической партии совпало с моим визитом. Я был поражен тем, как живо социология в Южной Африке реагировала на события в обществе, а также степени ее взаимодействия с общественными движениями в самой гуще гражданского общества и с рабочим движением, возникавшим на заводах. В ходе борьбы с апартеи-

Адрес для переписки: Michael Burawoy, Department of Sociology, University of California, Berkeley, CA 94720, США. burawoy@berkeley.edu.

1 Соображения автора о трудностях перевода понятия «public sociology» см. в конце статьи. — Примечание переводчика.

2 Данная статья была написана по результатам моего выступления и последующей дискуссии в Центре независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге 18 сентября 2007 года. Автор благодарит всех участников и Михаила Габовича за их комментарии и вопросы.

дом сложились абсолютно новые подходы к исследованию связи между расовыми и классовыми отношениями, рабочими объединениями и общественным профсоюзным движением. Не отделяя себя от академического мира, публичная социология стимулировала появление новых направлений и в профессиональной социологии.

Как сильно эта вовлеченная в общественную жизнь социология отличалась от профессиональной социологии, которая преобладала в Соединенных Штатах! Там превалировало представление о социологии как о постоянно пополняемом корпусе научного знания, предназначенного коллегам-ученым и ими же оцениваемого. Публикации в рецензируемых журналах становились вехами продвижения по карьерной лестнице. По крайней мере, так дела обстояли в престижных исследовательских университетах. Бесспорно, были и исключения, такие как мой факультет в Беркли, многие сотрудники которого обращались к более широкой аудитории: например, Роберт Блаунер, автор книги «Расовое притеснение в Америке», Роберт Белла с соавторами («Привычки сердца»), Арли Хошильд с ее работой «Вторая смена» или Кристин Люкер («Аборт и политика материнства»). Тем не менее американскую социологию отличала ориентация на дисциплинарность и профессионализм.

Сама идея публичной социологии была сформулирована Чарльзом Райтом Миллсом в ответ на гиперпрофессионализацию этой науки. Таким образом, можно сказать, что «публичная социология» является американской утопией, сформулированной в противовес «профессиональной социологии». И все же многих аспирантов и преподавателей в Америке на выбор профессии подвигла именно публичная миссия социологии. Более того, именно она вдохновила появление социологии в XIX веке. Профессионалы пытались заглушить эти общественные стремления как признаки незрелости — отдельных ученых или дисциплины в целом. До сих пор доминирующие в нашей профессии силы зачастую подавляют или игнорируют эту идею. Многие полагают, что публичная социология — это проект хороший, но нереалистичный, или утверждают, что социология все еще слишком незрелая как наука, чтобы рискнуть высунуться за пределы «своей» защищенной сферы, или же клеймят публичную социологию как политический проект, подрывающий легитимность дисциплины. Борьба за публичную социологию продолжается стараниями «перебежчиков» из числа профессиональной элиты и бесчисленных социологов из неэлитарных учреждений.

Когда я приехал в Южную Африку в 2003 году с докладами по публичной социологии, первой реакцией моих слушателей было недоумение и замешательство: какой еще могла быть социология, кроме как публичной? Публичная социология — это тавтология, так как социология публична по своей сути. Только в Соединенных Штатах, где так развита самореферентная профессиональная социология, нам приходится говорить о «публичной» социологии, чтобы охарактеризовать «другое» социологии профессиональной. Но с 1980-х годов и периода борьбы против апартеида времена изменились. Поскольку в ходе фрагментации и нейтрализации гражданского общества постепенно отступали собеседники южноафриканских социологов (общественные и рабочие движения), социологи были вынуждены все сильнее замыкаться в своем сообществе. В силу экономической необходимости они все больше стали работать на заказ, выступая в роли консультантов и изучая предметы, определяемые корпорациями, профсоюзами, неправительственными организациями и так далее. Те самые объединения, которые раньше были союзниками социологов в борьбе против апартеида, стали теперь частью правящего аппарата Южной Африки после краха апартеида, и социология тоже оказалась втянутой в этот процесс.

РАСЦВЕТ ПРИКЛАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ³ И УПАДОК СОЦИОЛОГИИ КРИТИЧЕСКОЙ

Поворот от публичной социологии, вовлекающей элементы гражданского общества в диалог о будущем социума, к прикладной социологии, которая выполняет заказ клиентов, столкнувшихся с социальными

3 Соображения автора о трудностях перевода этого понятия см. в конце статьи. — *Примечание переводчика.*

проблемами и нуждающихся в их немедленном решении или, по крайней мере, в научной санкции, сегодня затрагивает многие национальные социологии во всем мире. Это можно наблюдать не только там, где рыночный фундаментализм основательно проник в государственную идеологию, но и в латиноамериканских государствах, провозглашающих себя социалистическими. Если говорить о странах, где я недавно наблюдал это явление, а именно об Уругвае и Бразилии, то там социологи были интегрированы в правительственные мозговые центры и в результате часто отказывались от своей критической автономии. Во всем мире, на всех уровнях — от университетских администраций до национальных государств — социологов призывают быть непосредственно, практически полезными.

Можно сказать, что эта прикладная наука достигла своего апогея в Советском Союзе, где социология была служанкой правящей идеологии. Когда ей позволяли хоть как-то существовать, она — в определенных пределах — выполняла функцию исследования общественного мнения. Социология в то время была задумана как выразитель и поставщик партийной идеологии. Больше всего практикующих социологов было на предприятиях, где они регулировали отношения между рабочими и их начальством.

Я вспоминаю тот испуг и напряжение, с которым нас с Эриком Райтом — двух западных марксистов — в 1986 году встретили в Институте социологических исследований АН СССР в Москве, куда мы приехали для проведения сравнительного исследования социальных структур в США и СССР. Оно проводилось по инициативе Владимира Андрееенкова при поддержке начальника его отдела Фридриха Филиппова. С самого начала Вилен Иванов — на тот момент директор Института — сомневался в возможности такого сотрудничества. Он оказался прав. На нашем пути возникла масса разного рода ограничений — от формулировки и содержания вопросов до концептуализации и прав на полученные данные.

Работа над проектом выявила гораздо больше расхождений между двумя обществами, чем могли бы показать результаты любого опроса. Я хорошо помню все эти интереснейшие трудности перевода, в том числе и самого понятия социальной структуры, которая в словаре западного марксиста означала нечто совершенно иное, чем в словаре официального советского марксизма. Для Райта класс был критическим понятием, которое могло быть обращено как против социальной структуры Советского Союза (где, как он утверждал, преобладала «организационная эксплуатация»), так и против социальной структуры Соединенных Штатов, применительно к которым он говорил о «трудовой эксплуатации». Этот новый научный марксизм западного толка воспринимался советским марксизмом как враждебный: мы это поняли, когда его публичное обсуждение в Институте социологических исследований было прервано на полуслове.

Мы тогда не знали, что марксистская социология в СССР уже теряла свои позиции. Во время перестройки, с развитием всевозможных кооперативов и частных предприятий социология выходила на общественную арену на гребне бушевавшего гражданского общества. Здесь на самом деле зарождалась подлинная публичная социология, но это продлилось недолго — советская эпоха уже подходила к концу. Когда в постсоветское время процесс становления гражданского общества пошел на спад, социология поддалась рыночным, а затем государственным императивам. Профессиональная социология была настолько неразвитой, а гражданское общество настолько хрупким, что за исключением небольших анклавов (вроде отдельных организаций в Санкт-Петербурге и Москве) социология снова вернулась к опросам общественного мнения, но на сей раз клиентами были в основном корпорации и политики. Шаткое положение социологии в постсоветской системе напоминало ее положение при советской власти. Социологи, работая на двух-трех работах, с огромным трудом сводили концы с концами, часто жертвуя своими интеллектуальными занятиями. И, как мы видим, факультеты социологии легко становятся объектами грубого политического вмешательства⁴.

4 Ситуация на социологическом факультете МГУ напоминает мне борьбу за академическую свободу в США в конце XIX — начале XX столетия, когда администрации университетов преследовали тех, чья политическая позиция казалась им сомнительной. В конце концов было достигнуто неофициальное и негласное соглашение во имя объективности: ученые ограничили свою политическую деятельность в обмен на академическую свободу и автономию. См. (Furter 1975). В Германии первого десятилетия XX века Макс Вебер схожим образом боролся за независимость академической среды и в особенности за права таких социологов, как Георг

Социология не была одинаковой во всех странах советского блока: каждой стране она оставила свое национальное наследие. Если в Болгарии было огромное количество социологов, сотрудничавших с партийно-государственным аппаратом, то в Венгрии и Польше существовало больше возможностей для автономной профессиональной социологии. Польская социология имела давнюю собственную традицию, свидетельствующую о большей автономии польского гражданского общества. В Венгрии более развитой в профессиональном плане дисциплиной была экономика, отражавшая и разрабатывавшая рыночные реформы, в то время как собственно социология была в большей степени связана с критической теорией Будапештской школы философии. Пожалуй, можно сказать, что критическая социология — четвертый тип в моей классификации — представляет собой уход от публичной социологии к самоподдерживающемуся диссидентскому сообществу, которое становится своей собственной публикой, что так красиво описал и реализовал Вацлав Гавел. В некотором смысле диссиденты сформировали свое собственное внутреннее, латентное гражданское общество — не только в обществах советского типа, но и во всех авторитарных режимах, даже там, где социология была запрещена, как это было в Чили во времена Пиночета или в нацистской Германии.

Критическая социология восполняет запас ценностей, которые поддерживают социологию в самые тяжелые для нее времена, но она не дает ей застыть на месте там, где социология практикуется открыто, как в Соединенных Штатах. Там критическая социология выявляет слабые места профессиональной социологии, нерелексивную «науку ради науки», нездоровую одержимость запутанными методологическими проблемами. Критические социологи, такие как Роберт Линд, Чарльз Райт Миллс, Питирим Сорокин, Элвин Гоулднер и Дороти Смит, сыграли решающую роль в становлении профессиональной социологии в Соединенных Штатах, заставив ее размышлять над своими скрытыми предположениями, условиями существования, целями. Без сомнения, то, как выглядит американская социология сегодня, весьма отличается от того, какой она была в 1960-е годы. В немалой степени это связано с требованиями и влиянием критической социологии в 1970-х и 1980-х годах.

Сегодня прикладная социология переживает подъем в очень многих странах, за важным исключением Соединенных Штатов, где она утратила былую привлекательность для корпораций и государственных организаций. В то же время положение критической социологии сегодня более слабое, хотя именно сейчас остро возросла необходимость в исходящих от нее импульсах.

РАЗДЕЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ТРУДА

Таким образом, мы имеем четыре типа социологии: профессиональную, прикладную, публичную и критическую. В той мере, в которой они противостоят друг другу, каждая из них стремится сводить другие к самой себе. Профессиональные социологи утверждают, что они также являются критическими (что критично, если не наука?), публичными (когда у них есть что сказать общественности, они говорят это) и прикладными (когда их спрашивают, они высказывают свое мнение; когда их просят, они проводят исследования для клиентов). Когда такие профессиональные социологи не претендуют на всеохватность и гегемонию, они бывают эксклюзивными и деспотичными, отстраняя публичную социологию со ссылкой на ее якобы популярный, утопичный или политизированный характер. Точно так же и публичные социологи могут утверждать, что их социология — единственная настоящая наука, или отвергать профессиональную социологию как нерелевантную или бесполезную, а прикладную социологию осуждать за то, что она продала душу дьяволу. Каждый тип социологии пытается свести все поле социологической деятельности до своей территории путем включения или исключения других типов. И хотя в реальности отношение между четырьмя типами социологии характеризуется доминированием одного из них, я настаиваю на различении этих типов как в аналитических целях, так и в качестве нормативных идеалов.

Зиммель, Роберт Михельс и Вернер Зомбарт, подвергавшихся дискриминации со стороны Министерства просвещения за свои политические или религиозные убеждения. См. (Shils 1974). Стремление отстоять автономию общественных наук было одной из причин, по которым Вебер столь неистово защищал «объективность».

Как я могу обосновать эти различия и разделения? Здесь я ссылаюсь на два фундаментальных вопроса, на которые должен отвечать любой дисциплинарный режим знания: «Для кого знание?» и «Для чего оно?» Во-первых, говорим ли мы с самими собой или с другими? Здесь речь идет о различии между академической и внеакадемической аудиторией. Во-вторых, чем мы занимаемся: *средствами* (решениями тех или иных практических проблем или теоретических головоломок) или же *целями*, обсуждая ценности с ответственностью или в своем кругу дискутируя о предпосылках профессиональной социологии? Это старое различие, имеющее в социологии глубокие корни — от Макса Вебера и далее к франкфуртской школе и Юргену Хабермасу. Это различие между *инструментальным* и *рефлексивным* знанием. Если мы серьезно воспринимаем эти вопросы и соответствующие ответы, то мы получаем следующее разделение социологического труда, в котором каждый тип знания отличается от другого своими представлениями об истине, власти, легитимности и подотчетности⁵:

Таблица 1

Разделение социологического труда

	Академическая аудитория	Внеакадемическая аудитория
Инструментальное знание	ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ	ПРИКЛАДНАЯ
Рефлексивное знание	КРИТИЧЕСКАЯ	ПУБЛИЧНАЯ

Позвольте мне разъяснить некоторые из этих различий. Критическая социология не является публичной социологией, потому что ее аудитория, как правило, состоит из самих социологов, и она не является социологией профессиональной в силу ее критического отношения к тем самым положениям, которые стимулируют профессиональную социологическую деятельность. Прикладная социология не является публичной социологией, поскольку подчинена проблемам и темам, которые задаются клиентами, а не рождаются в диалоге между социологами и их аудиторией. Следует представлять себе поле социологии (в его местных, национальных и даже глобальных проявлениях) как структуру господства одних типов социологии над другими. В США доминирует профессиональная социология, в СССР доминировала прикладная, тогда как в переходных обществах большее пространство удается занять публичной социологии.

Мое основное утверждение заключается в том, что процветание социологии зависит от сосуществования в относительной автономии всех четырех типов социологии, что они должны обеспечивать синергетическое взаимодействие, давать импульсы и стимулы друг другу. Часто бывает так, что один тип социологии теряет контакт с другими — будь то в результате инволюции или экстраверсии, то есть из-за сосредоточения на самой себе и изоляции («нерелевантная» профессиональная социология или «догматичная» критическая социология), либо по причине захвата внешними силами (услужливая прикладная социология или популистская публичная социология). Такая социология принимает патологическую форму, и страдает от этого не только отдельный тип социологического знания, но поле социологии в целом. Это не означает, что все должны быть публичными социологами, но надо делать то, что мы умеем лучше всего, и уважать других за то, что делают они. На протяжении жизни мы перемещаемся внутри этой матрицы по траекториям, заданным как нашей карьерой, так и более широким контекстом политических и экономических преобразований.

ЧЕТЫРЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ

Сформулировав положение о том, что развитое разделение социологического труда предполагает существование относительно автономных знаний, как следует представлять себе развитие социологии? Коль скоро разделение труда не было изначально заданным в момент возникновения социологии, как оно

5 Эти различия более полно разработаны в (Burawoy 2005).

развивается дальше? Единой схемы развития не существует, и в истории социологии разные люди и движения определяли его направление. Если мы условимся считать Конта родоначальником французской социологии, то тогда мы можем сказать, что социология возникла как реакция на Французскую революцию, создавалась во имя прогресса и порядка и развивалась в академической среде как профессиональная наука, занимающаяся вопросами порядка. В Англии конца XIX столетия росту социологии препятствовали идеи социального управления и фабианства, неразрывно связанные с прикладной наукой. Американская социология зарождалась в XIX веке как движение за моральную реформу и лишь постепенно консолидировала свой профессиональный академический характер на протяжении двадцатого столетия.

Но как осмыслить сегодняшнее состояние социологии в тех странах, для которых автономная профессиональная социология является сравнительным новшеством, в мире, где академические ресурсы в большей степени сконцентрированы в США и Европе? Мы можем выделить четыре модели. Первая — китайская модель, возникшая в результате импортирования американской социологии аспирантами, обучавшимися в ведущих университетах Соединенных Штатов и (в меньшей степени) Европы. Китайская социология возродилась в 1980-е годы под влиянием работающего в США социолога Наня Линя. Разделение социологии на два потока — университет и Академию наук — дает ей определенную автономию в университетской среде и даже создает некоторое ограниченное пространство для развития критической и публичной социологии, в то время как прикладная социология связана с китайской Академией наук. В общем и целом, такая модель неплохо работает и выгодна обеим сторонам.

Вторая модель, которую я называю автохтонной, противоположна китайской модели. В наиболее чистом виде она представлена в Африке. Пожалуй, можно сказать, что свою энергию она черпает из критической социологии. Доминированию европоцентристской социологии здесь противостоит афроцентристская социология, укорененная в африканских традициях. Акценты в этой модели могут быть расставлены по-разному: иногда ее представители подчеркивают уникальность африканской социологии, иногда обнаруживают основы европоцентристской социологии в африканской социальной мысли, а иногда утверждают, что эти самые европейские принципы были основаны на эксплуатации африканских обществ и на самоидентификации через противопоставление себя им.

Афроцентристская социология представляет собой реакцию на доминирование европоцентристского универсализма. Рэйвин Коннелл развила эти идеи на гораздо более обширном материале в своей книге «Южная теория» (2007). Ее целью было возродить социологии Юга, чтобы они могли занять свое место в мировой социологии. Разумеется, не вся африканская социология идет этим автохтонным путем. В 1970-х годах, например, существовала Дар-эс-Саламская группа, участники которой, вдохновленные марксизмом, пытались исследовать возможности построения социализма в Африке. Сегодня в Южной Африке многие социологи работают с категориями, вопросами и теориями, зародившимися в мировых центрах.

Третья модель развития — это скандинавский путь, когда социология связана с государством всеобщего благоденствия. Здесь это не просто узко понимаемая прикладная социология; через свои публичные и профессиональные функции она формирует дебаты вокруг политических вопросов. Мы можем видеть эту модель в действии и в Англии. Возможно, наиболее ярко это выражено в период сразу после Второй мировой войны в работах Ричарда Титмасса, Брайана Абея-Смита, Питера Таунсенда, Питера Вильмотта и Майкла Янга. Это эпоха формирования государства всеобщего благоденствия. Государство в общих чертах определяет задачи профессиональной социологии через выбор финансируемых научно-исследовательских проектов. Оно выступает в роли покровителя и клиента прикладных исследований одновременно.

В целом прикладная социология может быть более эффективной и автономной, если она порождает общественные дискуссии вокруг общественного благосостояния. В какой мере такая модель была бы эффективна в не европейских странах, зависит, конечно, от возможности проведения таких публичных дебатов. Как только прикладная наука отделяется от трех других практик знания, она легко может быть захвачена и подчинена клиентами, будь то государство, корпорации или политики.

Наконец, существует четвертая модель, которую подпитывает гражданская вовлеченность. Многие национальные социологии начались с критических интеллектуальных импульсов, поступавших от зарождавшегося гражданского общества. Сегодня об этом мало кто вспоминает, но истоки американской социологии тоже лежали в различных реформаторских движениях XIX века — религиозных и не только. Именно они придали американской социологии мощный нравственный акцент. Сегодня, как я уже говорил, южноафриканские и бразильские социологии несут на себе печать общественных движений 1980-х годов.

Особенно интересна и сложна в этом отношении современная индийская социология. Своими корнями она уходит в британскую социальную антропологию и американскую теорию модернизации. Между тем она испытала влияние соседних дисциплин и исследований подчинения (*subaltern studies*). Поэтому она оказалась тесно связанной с бурно развивающимися общественными движениями вокруг проблем каст, приватизации, защиты окружающей среды и так далее. И хотя публичная социология отчасти утратила свою динамичность во многих из этих полупериферийных стран, ее влияние по-прежнему остается значительным.

ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Итак, есть примеры формирования социологии под воздействием одного или нескольких из четырех типов знания: профессионального, публичного, прикладного и критического. Какой тип преобладает и в какой комбинации они представлены — это во многом зависит от традиций социальной науки в академической среде и за ее пределами, а также от более широкого политического и экономического контекста, который включает в себя и место данного государства в мировой системе. Российской социологии мешают ее давняя связь с государством, вмешательство рыночных сил и слабость гражданского общества, а также последствия того, что Россия перестала быть сверхдержавой.

Мы можем наблюдать, как большая автономия гражданского общества в Центральной и Восточной Европе обеспечила более широкое пространство для развития социологии в Венгрии и Польше. Но остается непонятным, почему китайская социология более динамична, чем российская. В конце концов, китайское гражданское общество также ограничено, а социология лишена профессиональных традиций. Их пришлось импортировать с Запада при государственном покровительстве, которое обеспечило университетам большую автономию, чем Академии наук. Последняя поддерживает тесные контакты с партийно-государственным аппаратом, формируя рамки для понимания социальных проблем и поставляя новые идеологии, призванные сдерживать нарастающее социальное напряжение.

Общее развитие капитализма в этих двух странах дает ключ к разгадке расхождения российской и китайской социологий. В одном случае мы имеем дело с инволюционным процессом необузданного разрушения, в результате которого в гражданском обществе возникают центробежные тенденции и оно отступает, а население оказывается брошенным на произвол судьбы и занято поиском средств к существованию. Выбрав рыночный фундаментализм, российское государство погрузило экономику во мрак, обрекло ее на «первоначальное разбазаривание», когда все больше возрастала зависимость страны от экспорта природных ресурсов, в то время как китайская экономика подпитывалась новыми процессами индустриального накопления под надзором партийного государства. Социологии, равно как экономике и гражданскому обществу, было выделено пусть контролируемое и ограниченное, но все же отдельное пространство, где она могла поиграть мускулами.

Таким образом, в Китае, безусловно, сформировалось поле социологии. Можно ли говорить о том, что такое поле есть и в России — поле с относительной автономией, основанной на взаимной соотнесенности между его производителями, рассматриваемыми в то же время и как потребители? Можно ли говорить о существовании поля, когда социологи представлены тремя или более конкурирующими, антагонистическими национальными объединениями? Борьба студентов Московского государственного университета с администрацией соцфака направлена как раз на создание такого относительно автономного поля социоло-

логии, свободного от произвольного внешнего вмешательства. Они и их союзники борются за автономию, необходимую для поддержания профессиональной социологии, без которой не может быть и публичной социологии.

Совершенно другими являются сотрудники московского Института социологии — наследники советской социологии, полагающие, что уже практикуют публичную социологию, исследуя социальные проблемы методом соцопросов и пытаясь повлиять на государство. Они, возможно, прикладные социологи не в меньшей степени, чем публичные. Наконец, есть еще третье крыло российской социологии, враждебное по отношению к западническим сторонникам автономии, а именно российская националистическая социология, которая утверждает, что обращается к уже существующей общественности и имеет последователей во многих регионах страны. Возможно, ее представители и впрямь являются подлинными российскими публичными социологами. Но прежде чем сделать такой вывод, следовало бы установить, в какой мере они подвергают свои утверждения проверке эмпирическими данными, как они развивают науку о российском обществе. Возможно, они и обращаются к некоей общественности. Но в какой роли они выступают — социологов или пропагандистов?

Здесь скрывается еще более глубокая проблема. Может ли публичная социология существовать без подлинной общественности? Необходимо продумать социологию общественности, прежде чем создавать социологию для общественности. Многие представители западной критической мысли — начиная от Миллса и заканчивая Хабермасом и Бурдьё — считали, что государство и рынок, СМИ и реклама создали мир массового общества с ограниченной публичной сферой. Тем не менее существуют значительные национальные различия, и можно предположить, что публичная сфера в России более узкая, более хрупкая и фрагментированная, чем в Западной Европе и даже в Соединенных Штатах. Самое понятие общественности было извращено тем, как оно использовалось советским партийным государством. В России понятие общественности имеет скорее отрицательные, нежели положительные коннотации, так что даже возник спор относительно того, как переводить словосочетание «public sociology». Иногда переводчики избегают очевидного эквивалента «публичная социология» и переводят его как «общественная социология» (в обратном переводе на английский — «communal sociology»), упуская таким образом более широкое значение слова «public», обозначающего особую, автономную сферу, которая пронизывает по всему обществу. Это не только вопрос коннотации понятия «public», но и проблема отсутствия этой самой общественности как интегрированной общенациональной целостности.

Интересно также, что нет однозначного перевода «policy sociology»: чаще всего используется словосочетание «политическая социология» (в обратном переводе — «political sociology»), определенно не соответствующее тому, что я имею в виду, поскольку к «policy sociology» относится вся советская социология. Там, где — за немногочисленными исключениями — не было признанной и независимой профессиональной, критической или публичной социологии, социология служила партийному государству. Policy sociology переводят как «прикладная социология» (applied sociology) или «заказная социология» (sociology made to order), но ни один из этих терминов не отражает полностью многозначного смысла «policy sociology». Трудность перевода свидетельствует о своеобразии политического наследия советской (а на самом деле и постсоветской) эпохи, в свете которого категории западной социологии в российском контексте могут казаться аномальными.

ПУБЛИЧНАЯ СОЦИОЛОГИЯ ДЛЯ РОССИИ?

Либералы западнического толка то и дело спрашивают меня, не воплощают ли публичную социологию в российском контексте славянофилы. Скептически оценивая релевантность и возможность публичной социологии, либералы указывают на пример декана соцфака МГУ Добренькова, якобы сводящий на нет саму идею публичной социологии. Это стратегия дискредитации публичной социологии путем замены ее идеального типа патологической формой. Те, кто посвящает себя подлинной публичной социологии, должны вдвое

сильнее осознавать ее патологии, будь то авангардизм⁶ или популизм, но выявление патологий должно служить не отвержению самой идеи, а определению условий ее реализации. Тот факт, что социологам сложно поддерживать диалог с общественностью, не может быть причиной отказа от этой цели.

Некоторые настаивают на том, что прежде чем возникнет публичная социология, должна существовать социология профессиональная, однако исторические примеры показывают, что часто профессиональная социология зарождается и возникает именно через социологию публичную. Вспомните хотя бы Питирима Сорокина, чья политическая деятельность, направленная сначала против царского самодержавия, а затем против большевистского режима, вдохновила его на написание «Системы социологии». Его исследование 1921 года, посвященное теме голода, получило широкую известность и вызвало возмущение советских властей, за что он был выслан из страны в 1922 году. Оно предвосхитило ту эмпирическую социологию, которую он позже продвигал уже в Соединенных Штатах. Обращение Сорокина к профессиональной социологии отчасти стало реакцией на революционные и последующие события в России. Но позже, став одной из ведущих фигур американской социологии и первым деканом факультета социологии в Гарварде, он снова совершил резкий поворот. Сделав так много для становления профессиональной социологии, он выступил против нее, против своих же эпигонов, осудив их за фетишизацию методологии («квантофрению») и интеллектуальную ограниченность, невнимание к главным вопросам современности. До последних дней он старался привить профессиональной социологии общественную миссию.

Наконец, другие участники дискуссии говорят о нехватке общественного спроса: публичная социология, мол, не может существовать без общественности, а в России есть только «поддельная» общественность. В таком случае, возможно, задача социологии и заключается в том, чтобы внести свой вклад в формирование общественности. Возможно, первая общественность, которую мы можем создать, это студенты, вроде смелых студентов Московского государственного университета, а следующая общественность может сложиться из социологов, местных и зарубежных, объединенных под эгидой нового независимого журнала, такого как «Laboratorium». Возможно, наша публичная миссия, как пишет Елена Здравомыслова, заключается в защите профессиональной социологии (Zdravomyslova 2008)?

В любом случае, самоизоляция разрушает саму идею социологии. Такой уход в себя предаёт исходный импульс социологии, как бы мы его ни понимали: как превращение частных проблем в общественные, как демистификацию социальных структур господства, ограничивающих возможности человеческой самореализации, или как выявление того, как делается и как может делаться история в условиях, когда она не определяется нашим собственным выбором. Без своей публичной составляющей социология подобна мертворожденному ребенку.

Перевод с английского Михаила Габовича

БИБЛИОГРАФИЯ

Bourdieu, Pierre. 1992. "Thinking About Limits." *Theory, Culture & Society* 9: 37–49.

Furner, Mary. 1975. *Advocacy and Objectivity: A Crisis in the Professionalization of American Social Science, 1865–1905*. Lexington: University Press of Kentucky.

Shils, Edward (ed.). 1974. *Max Weber on Universities*. Chicago, University of Chicago Press.

Zdravomyslova, Elena. 2008. "Make Way for Professional Sociology!" *Current Sociology* 56 (3): 405–414.

6 Провозглашение себя авангардом того или иного движения с целью определить направление всего движения в соответствии с собственной идеологией. — *Примечание редактора.*